

А. Вербицкая

Ключи счастья

Книга 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Вербицкая**
Ключи счастья: Книга 3 / А. Вербицкая – М.: Книга по Требованию, 2017. –
238 с.

ISBN 978-5-517-98547-7

ISBN 978-5-517-98547-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„Всѣ должны одинаково мыслить и одинаково чувствовать. Индивидуализм—это плевелы на полѣ, всегда готовомъ къ жатвѣ. Красотѣ нѣтъ мѣста въ мірѣ, гдѣ царствуетъ полезное. Расцвѣтъ и ростъ индивидуальности грозитъ распадомъ „сплоченному большинству“... Все нивеллировать, все подчинить общему закону— вотъ идеаль толпы.

„И натурамъ, какъ Маня, нѣтъ иного выхода, какъ жить за „хрустальной стѣной. Только тамъ, отгородившись отъ *рынка* и *улицы*, поэтъ слагаетъ свои стихи, художникъ обдумываетъ картины, ученый работаетъ надъ микроскопомъ. Пока стѣна стоитъ, живы искусство и мысль.

„Никого изъ насъ она не знала. Всѣ мы: Нелидовъ, Янъ, вы, я—были созданы ея мечтой.

„Но жизнь грубо ворвалась въ это царство грезы. Она разрушила стѣну изъ хрустала. И Маня гибнетъ.

„Внутренній голосъ говорить мнѣ: „Создай ей новую сказку! Силой твоей любви вызови передъ нею новый міръ. Полный небыточнаго. Далекій отъ возможнаго“.

„Венеція? Италия?.. Искусство?..

„Если я ошибусь и тутъ...

„Но гдѣ же мнѣ найти ее?.. Гдѣ?

„Самымъ красивымъ цвѣткомъ въ таинственномъ саду этой души была любовь.

„Этотъ цвѣтокъ растоптанъ.

„Надо сѣять другіе. Надо создать новыя цѣнности. Въ разоренномъ храмѣ поставить новыхъ боговъ.

„Вы говорите: „Ея міросозерцаніе ложно. Не въ счастіи смыслъ жизни“. Но что такое *счастіе*, Соня?.. Вы это знаете?

„Правда, Маня пошла къ нему торнымъ путемъ.

„Это та большая дорога, о которой говоритъ Янъ. Слезами и кровью полита она вся. Вся, до единой песчинки! Долго шли по ней женщины. И не скоро отыщутъ онѣ новыя тропы.

„Что дала Манѣ ея любовь къ Нелидову? Слезы, униженія, потерю иллюзій, жажду смерти. Все, что получаютъ женщины, по рабоченныя страстью. Всѣ, поставившія любовь въ центрѣ жизни. Всѣ, отдавшія ей душу... А вы помните завѣтъ Яна? *Душу свою не отдавайте любви*. Какъ звѣрь пожираетъ она ее.

„О, я знаю это! Я это знаю хорошо.

„Васъ поразила попытка Мани покончить съ собою?

„Почему? Я ждалъ этого, какъ неизбежнаго. Тотъ, кто создалъ себя изъ любви кумира, долженъ гибнуть отъ любви. Это жестоко, но логично. Все это звеня одной цѣпи.

„Говорятъ, она случайно осталась жива. Но я не вѣрю въ случай.
„Вы видѣли когда-нибудь деревья, надъ которыми пронесся
„ураганъ? Они стоятъ, согнувшись, не въ силахъ выпрямить верху-
„шекъ. И ужасомъ вѣетъ отъ нихъ, какъ на картинѣ Рушица.
„Душа Мани похожа теперь на эти деревья. Вѣтки сломаны.
„Листья опали и умираютъ на землѣ.
„Но вѣдь распрямятся же она когда-нибудь! И найдеть свое
„счастіе!
„Не въ любви.
„Въ другомъ.
„Когда вернется весна, и зазеленѣютъ новые побѣги, я дамъ
„ей книгу Яна. Хочу, чтобъ она искала путь на высокую башню!
„Хочу, чтобъ она взошла на нее.
„О, не думайте, что это дастся ей легко! И этотъ путь, какъ
„старыя тропы, будетъ весь залитъ слезами и кровью. И „мно-
„гія погибнуть по дорогѣ къ башнѣ.
„Но развѣ побѣда бываетъ безъ жертвъ?
„Весь долгій путь человѣчества къ прогрессу тоже залитъ
„кровью. Пугаетъ ли это идеалистовъ и мечтателей?.. „Не возна-
„градитъ ли и васъ сознаніе, что впереди освобожденіе?
„Надо выработать міросозерцаніе. Это прежде всего.
„Когда я создамъ новыя цѣнности въ ея опустошенной душѣ;
„когда распустятся посяянныя Яномъ и взлелѣянныя мною цвѣ-
„ты,—моя роль будетъ кончена. И я скажу себѣ, что я прожилъ
„не даромъ.“

II.

Поѣздъ ныряетъ въ туннеляхъ съ тонкимъ, какимъ-то безо-
мощнымъ вскрикомъ. Путь вьется и поднимается въ горы. За-
свѣжѣло. Чувствуется близость снѣга.

Вотъ и станція Земмерингъ, на перевалѣ. Всюду глубокій снѣгъ
и тишина. Поѣздъ уйдетъ. И опять все погрузится въ молчаніе.
Воздухъ необычайно чистъ. Такого нѣтъ въ долинахъ. Тирольки
въ круглыхъ шляпахъ и короткихъ юбкахъ продаютъ засушенные
эдельвейсы и ароматныя еловыя вѣтки. Всѣ выбѣжали на плат-
форму и смотрятъ въ горы.

Маня лежитъ въ купѣ, закрывъ глаза. Штейнбахъ не знаетъ,
сонъ это или слабость. Онъ боится перевернуть газету.

Поѣздъ перевалилъ и стремительно бѣжитъ внизъ.

Вдругъ шумно отворяется дверь, и входитъ фрау Кеслеръ.

— Спишь? Вставай скорѣе, Маня!.. Видны Альпы...

Маня садится и поднимаетъ рѣсницы. Какая пустота въ ея
взглядѣ!

— Хочешь выйти?—шопотомъ спрашиваетъ Штейнбахъ.

„Мнѣ все равно“, отвѣчаетъ ея лицо.

О, эти жесты! Эта походка! Лишенные души. Автоматичные, какъ у куклы...

Все та же! Та же...

Они выходятъ въ корридоръ. Всѣ прильнули къ окнамъ. Вдали залегла серебристая туча, съ четко изломанными краями.

— Тирольскія Альпы,—взволнованно говорить фрау Кеслеръ.— Я тамъ жила дѣвушкой...

Маня смотритъ вдаль. Штейнбахъ смотритъ на нее. Ему чудится... Или это ошибка? Нѣтъ... Глаза ея ожили. Лицо теряетъ бездушныя маски. Брови поднялись, удивленные.

Штейнбахъ боится выдать свое волненіе.

Мелькаютъ бѣлые стройныя вѣдуки. Къ полотну подходятъ горныя ущелья. Лѣса, утонувшіе въ снѣгахъ, лѣбятъ на уступахъ. Водопадъ свергается внизъ, сверкая, какъ атласная лента. И весь зеленый бѣжитъ и бурно пѣнится горный потокъ, кидаясь въ долину. Горы громоздятся... Все выше и выше... Ничтожнымъ и смертнымъ чувствуетъ себя человѣкъ.

Она молчитъ, стараясь вспомнить что-то важное для нея.

Долина становится все уже... Кажется, дальше ужъ некуда ѣхать... Вдругъ крутой поворотъ... И вдали, сверкая на солнцѣ, развертывается горная цѣпь. Призрачное, неподвижное, далекое отъ жизни, безмолвное царство вѣчныхъ снѣговъ...

И онъ вдругъ поразительно ярко чувствуетъ, что дрогнули очи ея души, ослѣпшія отъ горя и мрака. Онъ чувствуетъ трепеть разбуженной мысли. Что дать она? Безцѣльное страданіе? Опять?.. Или же осмысленную тоску исканій?

— Замокъ, Маня... Развалины...—кричитъ фрау Кеслеръ.

Прямо на нихъ изъ золотистой дымки несутся очертанія замка-призрака. Какъ орлиное гнѣздо повисъ онъ на вершинѣ отвѣсной скалы.

„Ueber Land und Meer“... шепчетъ Маня. И улыбка, слабая и нѣжная, раскрываетъ ея губы, уже непохожія на цвѣтокъ.

Штейнбахъ не понимаетъ. Онъ боится спросить... Названіе дѣтскаго журнала, кажется? Почему она вспомнила? И не оттого ли, что взоръ ея черезъ гряду всего темнаго и пережитаго упалъ въ эти золотыя поля ея дѣтства,—въ лицѣ ея опять задрожала улыбка?.. Ему страшно разбить настроеніе, налетѣвшее Богъ вѣсть откуда!

Горы, долины, зеркала озеръ, старинные города, затерянные въ горахъ деревушки—бѣгутъ, какъ въ панорамѣ.

Вотъ замокъ. Уже другой. Весь въ развалинахъ...

...Она его видѣла... Она его знаетъ. Она прилетала сюда не

разъ на крыльяхъ мечты, дѣвочкой съ кудрявой головкой... Она какъ фея взмахнула волшебной палочкой... И вотъ руины оживаютъ. Камни встаютъ. Стѣны одѣваются плющомъ Мостъ на цѣпяхъ перекидывается черезъ глубокій ровъ. Трубитъ рогъ егеря. Лаютъ псы. Князь выѣзжаетъ на охоту.

Маня видитъ его глаза. Сѣрые, надменные, жестокіе глаза.

„Почему она такъ поблѣднѣла?..“ думаетъ Штейнбахъ.

...Какъ хищникъ царить онъ надъ окрестностью. Женщины изъ деревни, прилѣпившейся у подножія скалы, унимаютъ плачущихъ дѣтей однимъ видомъ зубчатыхъ стѣнъ и темныхъ оконъ. Бояливо крадется мимо вассаль, прячась въ кустарникѣ. Онъ дрожитъ за свой урожай, за свой заработокъ, за честь жены или дочери.

...Съ башни видны всѣ дороги. Ни одинъ караванъ, ни одинъ странствующій пѣвецъ не скроется отъ зоркаго глаза.

...Вотъ спускаютъ съ грохотомъ и лязгомъ подъемный мостъ. Подъ ворота, украшенныя гербами, въѣзжаютъ купцы съ товарами.

...Во второмъ дворѣ ихъ ждетъ князь. Его улыбка пріятлива. Но холодомъ вѣетъ отъ нея.

...Что это за страшный ударъ, отъ котораго дрогнули гости?

...Это желѣзный занавѣсъ упалъ за ихъ спиною. И отрѣзалъ ихъ отъ міра.

...— Вы—мои плѣнники“, — улыбаясь, говорить имъ князь...

Ахъ! Маня знаетъ эту улыбку... Она ее не забыла...

...Выкупъ возвращаетъ купцамъ свободу. Но горе имъ, если они протестуютъ!.. Подъ гулкими плитами замка чернѣютъ зловонные колодцы темницъ. Ни одинъ лучъ солнца не проникалъ туда. Прикованные къ кольцу въ стѣнѣ, тамъ медленно умираютъ узники. И когда пушки Габсбурговъ разрушатъ эти твердыни, въ подзе. мельѣ найдутъ заржавленныя цѣпи и истлѣвшія кости.

...Но князь умѣетъ цѣнить искусство.

...Какъ коронованное лицо, гордо вступаетъ подъ арки воротъ рыцарь-менестрель съ своей лютней.

...Въ залѣ пылаетъ огонь въ каминѣ. Головы вепрей и медвѣдей скалятся на стѣнахъ. Хозяинъ подноситъ гостю вино въ кованомъ кубкѣ ...А сверху, съ лѣстницы, спускается дама. Тяжелый шлейфъ волочится по ступенямъ. Серебристый вуаль кутаетъ ея плечи. Печальный взоръ съ ожиданіемъ глядитъ на того, кто принесъ ей вѣсти иного міра, гдѣ нѣтъ насилія и крови; нѣтъ пьяныхъ пирушекъ и грубыхъ ласкъ. Гдѣ нѣтъ торжествующихъ наложницъ. Гдѣ не льются въ тиши слезы обиды“

Глаза Мани расширяются и застываютъ на одной точкѣ. Она видитъ ихъ лица... Она слышитъ голоса... Отчетливо и ясно, какъ

будто это было вчера... Душа ея звучить. Встают новые образы. Призрачные. Сквозь нихъ еще видно прошлое. Это прошлое, отъ котораго сердце ея стало одной открытой раной. Но вымыселъ какъ дымкой окуталъ знакомыя черты. И онѣ стали иными. И глядѣть въ нихъ можно безъ боли.

...Князь съ досадой смотритъ на жену. Опять она плакала! И щеки ея блѣдны... Онѣ любить только румяныхъ. Только здоровыхъ... Она такъ много смѣялась и плясала, когда онѣ ее встрѣтилъ. Онѣ думалъ найти въ ней свою радость, свой отдыхъ... И чѣмъ она недовольна? Развѣ не цѣлуетъ онѣ ея глаза, ея косы, ея губы? Развѣ не любить онѣ ея тѣло? Не осыпалъ онѣ ее развѣ подарками? Не окружилъ ее почетомъ? Ей—бѣдной, незнатной дѣвушкѣ—выпала честь быть княгиней. А она смѣетъ тосковать... Она должна родить ему наслѣдника. Въ этомъ все ея назначеніе!

...Она поднимаетъ рѣсницы и глядитъ на менестреля. У него печальное блѣдное лицо, скорбная улыбка. Брови сокола. Глаза безъ блеска и дна... Таинственные... И рѣсницы его длинны, какъ стрѣлы... Ихъ взгляды встрѣчаются. На одинъ мигъ... Онѣ беретъ лютню.

...О чемъ поетъ онѣ?.. Не все ли равно!.. Важны не слова... Этотъ голосъ колдуетъ. И въ душѣ, растоптанной и измятой страданіемъ, распускаются цвѣты.

...Онѣ поетъ о весеннихъ зоряхъ, о лунномъ свѣтѣ. О любви, загорающейся съ перваго взгляда. Любви, далекой и робкой... которая ничего не требуетъ... которая не знаетъ удовлетворенія и усталости. Онѣ поетъ о загробной встрѣчѣ. Объ иной жизни, гдѣ ангелы ласковыми пальцами прикоснутся къ ранамъ души, истекающей кровью здѣсь, на жестокой землѣ ...По блѣднымъ щекамъ катятся слезы и падаютъ на кружева и атласъ... Но это слезы счастья. Она ихъ забыла.

...Уронивъ на колѣни закрубѣлыя руки, внимаютъ гвѣзду и другія женщины. Онѣ состарились среди работъ и страха. Какъ и госпожа, онѣ не знали въ жизни ничего, кромѣ насилія и страданій. Желаніе называли любовью. Согласія не спрашивали. Поцѣлуи брали, какъ дань. Потомъ уходили къ другой. Госпожѣ и рабынь, ихъ ждала та же участь.

...А пѣвецъ поетъ о валькиріяхъ. О гордыхъ и свободныхъ дѣвахъ. Онѣ дарятъ свою любовь по выбору. Сильнымъ и прекраснымъ. Оскорбителей убиваютъ на поединкахъ. Онѣ знаютъ, что такое вѣтеръ въ степи, бѣшено бьющій въ лицо. Онѣ знаютъ поцѣлуи росы на бѣлыхъ ногахъ. Знаютъ ночные туманы, ткущіе серебряныя сказки. Онѣ знаютъ, что такое гордое и желанное одиночество...

...О, какъ все это далеко! Все ушло. Все недоступно... Принцессы

не ходить босыми ногами. Принцессы не смѣютъ бродить по лѣсу безъ свиты... Что знаютъ онѣ объ янтарныхъ зоряхъ? О серебряномъ туманѣ? Объ алыхъ улыбкахъ разсвѣта?..

Замокъ исчезъ давно. Горы раздвинулись. Внизу лѣпится старинный городокъ съ готическимъ соборомъ. Скорбно рвется ввысь изъ тѣсной долины прелестная колокольня, какъ страстный вопль закованной въ цѣпи души. Это молитва, воплощенная въ камнѣ. Маня провожаетъ ее долгимъ взглядомъ.

Какъ надо было вѣрять, чтобы создать такой символъ! Такой пламенный порывъ къ небу человѣческаго духа...

— Wie schön!..

Штейнбахъ оглядывается съ досадою. Онъ чувствуетъ, что этотъ возгласъ разбилъ красивое настроеніе.

Поѣздъ полонъ новобрачными. Этотъ путь—традиціонная свадебная поѣздка нѣмцевъ. Къ окну прильнула пара. У него типъ торговца, рыжіе усы, глаза безъ мысли, самодовольная усмѣшка. Онъ такъ много пьетъ пива, что уже отрастилъ себѣ брюшко, хотя ему нѣтъ 30-ти лѣтъ. Онъ одѣтъ въ вѣнскій готовый костюмъ. Его сигара отравляетъ воздухъ.

Она—съ линючими волосами. Безвкусна, неуклюжа, съ плоской, длинной таліей. Съ румянымъ лицомъ, лишеннымъ души. Но ему не надо лучшаго. Онъ безстыдно обнимаетъ ее. Глядитъ еще несмысленными глазами. Громко цѣлуетъ въ щеку. Ихъ улыбки, взгляды, жесты полны такой примитивной чувственности, что двѣ юныя англичанки, пожавъ плечами, становятся къ нимъ спиной.

Маня вдругъ блѣднѣетъ. Порывисто открываетъ она дверь купе и садится, отвернувшись къ окну.

Но она ничего не видитъ теперь. И руки ея дрожать.

Штейнбахъ остается въ корридорѣ. Онъ не смѣетъ войти. Что вспомнила она? Онъ чувствуетъ себя виноватымъ за эти циничныя ласки, за чужіе поцѣлуи. За все, что принято называть *любовью*.

— Что такое?—спрашиваетъ ффрау Кеслеръ.

Онъ молча показываетъ ей на пару.

— „Unanständig?“ — смѣется она. — Ахъ, надо снисходить къ людскимъ слабостямъ!—Она смотритъ въ щелку:

— Маркъ Александровичъ, представьте! У нея въ лицѣ отвращеніе... Какъ будто передъ нею жаба!

— Да. Знаю. Но она переноситъ это отвращеніе и на меня!

— Ахъ, Боже мой!.. О чемъ вы думаете? Вѣдь это уже вспышка... Раньше лицо ея было маской... Почему вы не радуется?

„Да, да. Я долженъ радоваться“, говоритъ онъ себѣ.

Надъ дикою пустыней за Понтеббой начинается сѣять дождь. Онъ косо бьетъ въ окна. И вдругъ, какъ змѣйки, бѣгутъ внизъ струйки по стеклу. Бѣгутъ, перегоняютъ другъ друга... Встрѣчаются и исчезаютъ...

Маня задумчиво смотритъ на нихъ. Потомъ ложится опять и закрываетъ глаза. Душа пресытилась зрительными впечатлѣніями...

Рядомъ ѣдутъ двѣ англичанки, обѣ молодыя и бѣлокурыя. Одна высокая, здоровая, ласковая и застѣнчивая. Другая съ лицомъ чахоточной, капризная, властная. И худенькая, и маленькая, какъ дѣвочка. Стиснувъ зубы, онѣ глухо говорятъ, читаютъ англійскіе романы и великолѣпно игнорируютъ окружающихъ. Справляясь съ путеводителемъ, онѣ смѣло выходятъ на станціяхъ и возвращаются съ горячими сосисками, завернутыми въ бумагу, или съ бутылочками вина въ плетенкахъ.

На закатѣ солнца облачная пелена разрывается. И вдругъ между холмами, въ маленькой долинѣ, загорается радуга.

— Гляди, гляди, Маня! Совсѣмъ какъ мостъ...

Да, похоже!.. Сверкающій, радужный мостъ. Сквозь него видны горы. Однимъ концомъ радуга оперлась въ землю. Совсѣмъ близко... Вонъ она дрожитъ у камня. Призрачная. Какъ наша радость... Страшно! Сейчасъ разсѣется.

Поѣздъ подходитъ ближе. Почти касается этого камня. Хочется протянуть руку и дотронуться до радуги.

„О, милая... Такая чуждая намъ. Странная, какъ сказка... За чѣмъ спустилась ты сюда, въ эту глухую долину! Что ты хочешь мнѣ напомнить? Сказать?“

„Или утѣшить меня хочешь?.. Ты, прекрасная?..“

Поѣздъ пронесется мимо.

Радуга все еще дрожитъ надъ землей. Сейчасъ растаетъ...

— Исчезла...—говоритъ фрау Кеслеръ.—Въ первый разъ вижу ее такъ близко..

Маня закрываетъ глаза. Во мракѣ еще дрожитъ и переливается воздушный мостъ.

Грезы сходятъ по немъ на землю. Сны обманувшихся.

Счастливы тотъ, кто ихъ видитъ!

Южныя сумерки падаютъ быстро. Всѣ утомились, примолкли. Фрау Кеслеръ тоже прилегла. И уже спитъ, тихонько всхрапывая. Штейнбахъ смотритъ на Маню.

И вдругъ сердце его начинаетъ громко стучать. Спитъ она или дремлетъ? Но онъ ясно видитъ въ ея лицѣ улыбку.

Съ той ночи она *такъ* не улыбалась.

Онъ долго, жадно глядитъ въ это лицо. Такое замученное, болезненное, утратившее красоту и свѣжесть.

Онъ никогда не видалъ ее спящей. Никогда.

И сейчасъ передъ нимъ чужое лицо. Въ чемъ была его прелесть? Гдѣ тайна его обаянія? Неправильный профиль. Отъ худобы ротъ сталъ большой, и въ линіяхъ его усталость. Краски исчезли. Фигура уже не та. Она будетъ матерью... чужого ему ребенка.

И нѣтъ, казалось бы, между ними никакой связи, никакой близости. Она говоритъ ему *ты*, какъ брату. Но игнорируетъ его, какъ все и всѣхъ кругомъ, въ своемъ загадочномъ оцѣпенѣніи.

Онъ смотритъ и слышитъ стукъ собственнаго сердца.

Это ли та смуглая дѣвочка, что встрѣтилась случайно на его дорогѣ и взяла всю его жизнь? Это ли безумная, жестокая и прекрасная Маня, которая лежала на его груди и клялась, что въ его любви все ея счастье?

„Мы всѣ умираемъ много разъ. И раньше нашей смерти“.

Хорошо сказано!.. Вотъ эту спящую передъ нимъ больную женщину развѣ онъ знаетъ?..

Любить ли?

Онъ любилъ Маню, которой нѣтъ. Та Маня ушла навѣки.

Въ тѣ страшныя ночи, когда они всѣ, молчаливые и растерявшіеся, сидѣли въ комнатѣ умирающей, они не даромъ оплакивали ее. Маня умирала. Маня уходила отъ нихъ... Мани нѣтъ.

Онъ слышалъ въ ту ночь ея голосъ: „Маркъ... Маркъ... Маркъ...“

Это былъ вопль погибающей души. Послѣдній привѣтъ уходившей...

О, онъ не ошибся тогда! Его отчаяніе подсказало ему истину.

Та Маня ушла въ Безконечность. И унесла съ собой Любовь.

Онъ выходитъ въ корридоръ покурить.

Непроницаемая южная ночь прильнула къ окнамъ.

Ахъ, эта улыбка ея! Эта новая странная улыбка..

О чемъ грезить она? Кто снится ей?

Нѣтъ ключа къ этой душѣ, гдѣ онъ видѣлъ такъ ясно! Гдѣ по желанію умѣлъ зажигать чувственность. Гдѣ онъ сѣялъ мечты.

— Лягъ, Катя! Затѣмъ ты себя мучишь? Навѣрно устала...

Кто это говоритъ? По-русски. И такъ мягко, задушевно...

Это высокая англичанка... Весь день онъ обѣ сидѣли, вытянувшись въ струнку, не снимая жакетокъ и шляпъ. Даже вуалетокъ не подняли. Какъ будто ѣхали па дачу. Но послѣ десяти часовъ ѣзды онъ вдругъ размякли. Слово тихопоько выдернули изъ нихъ

стальную пружину. Сначала сняли шляпы и жакетки. Потом маленькая прислонилась вискомъ къ спинкѣ дивана.

— Право, лягь. Тебя навѣрно знобитъ. И всё уже спать. Никто на тебя не смотритъ...

Но маленькая гнѣвно качаетъ головой. Она еще крѣпится и, упорно стискивая зубы, отвѣчаетъ сестрѣ по-англійски.

Черезъ полчаса сдается и она. Высокая, оказавшаяся Лизой, вынимаетъ изъ портсака подушечку и закрываетъ сестрѣ ноги пледомъ.

Скоро въ вагонѣ настаетъ тишина. Корридоръ опустѣлъ. Катя заснула, и на щекахъ ея горять два пятна. Уронивъ книгу на колѣни и запрокинувъ головку, Лиза громко дышитъ.

Изъ третьяго купѣ несется храпъ новобрачнаго:

Ночь непроглядна. И въ стеклахъ отражаются только огни фонарей и спящія фигуры.

Штейнбахъ курить, сидя на откидномъ стулѣ, въ корридорѣ. Онъ какъ бы оберегаетъ сонъ всѣхъ этихъ одинокихъ женщинъ. Но въ душѣ у него такая же ночь.

Маня молчала всё эти два мѣсяца послѣ катастрофы. Однако Соня помнитъ минуту, когда въ нѣмомъ лицѣ ея блеснула нѣжность. Она почувствовала въ себѣ бѣненіе новой жизни.

„Она будетъ страстно любить свое дитя“, говорила ему фрау Кеслеръ. „И это спасетъ ее...“ Да. Но не безуміе ли опять строить на песокъ свое счастье? Опять бережно ставить въ храмѣ глиняныхъ кумировъ? Развѣ дѣти не умираютъ? Развѣ въ жизни не все невѣрно и случайно?

Подняться надъ жизнью. Полюбить вѣчно. Цѣлью бытія сдѣлать стремленіе ввысь...

Взойти за Яномъ на высокую башню...

Поѣздъ замедляетъ ходъ. Вдали уже видно зарево города. Кое-гдѣ у самыхъ рельсъ свѣтлѣетъ мертвая вода лагуны. Какъ будто плывешь по морю... Штейнбахъ входитъ въ купѣ.

— Что такое?.. Неужели я уснула?.. Мы уже подъѣзжаемъ?

Фрау Кеслеръ живо вскакиваетъ на ноги и глядитъ, прильнувъ лицомъ къ стеклу.

— Мы будемъ въ Венеціи черезъ 45 минутъ.

Вдругъ Маня встаетъ. Глаза огромные, жадные. Глаза прежней Мани. Они словно обжигаютъ лица Штейнбаха и фрау Кеслеръ. Пытливо, до реальности жгуче дотрагивается она взглядомъ до ихъ душъ. И онъ какъ бы чувствуетъ на своемъ сердцѣ ея слабые пальчики...

Она подходит къ окну и, сдавивъ ладонями виски, вглядывается во тьму.

Фрау Кеслеръ тихонько пожимаетъ локоть Штейнбаха. Ея блестящія глаза говорятъ: „Гляди!.. Ты понимаешь, что это значить?“ Да. Видны только плечи, затылокъ, ея руки, прижатая къ вискамъ. Но жизнью вѣетъ отъ всѣхъ этихъ линій. Торжествующей жизнью. Радостью. Порывомъ.

Какъ прежде!.. Какъ прежде...

III.

Боже! Что за шумъ?

Это послѣдняя станція передъ Венеціей. Толпа фабричныхъ работницъ возвращается въ предмѣстье.

Словно лавина обрушилась на вагонъ. Итальянки мгновенно наполняютъ криками и смѣхомъ всѣ площадки, корридоры...

— Второй классъ?.. Скажите, пожалуйста! Какое намъ дѣло? Если въ третьемъ не хватаетъ мѣстъ, мы сядемъ тутъ...

Онъ черныя, вульгарныя, съ грубыми лицами. Всѣ въ модныхъ прическахъ и большихъ серьгахъ, съ огромными шалями на плечахъ. Но есть молодья и рыжія, съ ослѣпительной кожей, словно модели Тиціана. Мужчинъ мало въ этой толпѣ.

Онъ стучатся въ купѣ Штейнбаха, хотя наверху приклеено: *Bestellt*. Онъ выходитъ и хочетъ затворить дверь. Но смуглые сильные пальцы просунулись въ щель и держатъ. Черезъ его плечо и подъ его локтемъ итальянки глядятъ въ щелку и встрѣчаютъ враждебный взглядъ Мани. Эти женщины нарушили строй ея души.

— Э, signor... Чего вы стоите? Пустите насъ сѣсть!—кричатъ работницы. Безъ гнѣва, даже съ улыбками. Но въ ихъ жестахъ такъ много темперамента!

— Моя дочь больна. Она испугается шума.

Онъ притихаютъ на одну секунду. Безцеремонно молодая блондинка сдергиваетъ руку Штейнбаха и заглядываетъ въ купѣ.

— Вотъ прелесть!—говоритъ фрау Кеслеръ, приподнимаясь на подушкѣ. Онъ обмѣниваются широкими улыбками. Потомъ блондинка молча разглядываетъ Маню.

— О, roveretta! (Бѣдняжка!..)—Вдругъ съ громкимъ смѣхомъ она толкаетъ Штейнбаха локтемъ въ бокъ.

— Онъ говоритъ, что это его дочь... Ха!.. Ха!..

Она плутовато грозитъ ему пальцемъ. И всѣ хохочутъ.

Штейнбахъ не можетъ скрыть движенія радости.

„Развѣ виски мои не посѣдѣли за этотъ мѣсяцъ? Неужели я не кажусь старикомъ?“

Работницы расталкиваютъ заспавшихся пассажировъ. Сначала